

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

БОРИСА
И ГЛЕБА

ИРА
НИКОЛАЕВА

Зимнее кружево

СТИХИ

Эта история...

Рассказы и новеллы

Интернациональный Союз писателей

Ира Николаева
**Зимнее кружево. Эта
история... (сборник)**
Серия «Международный
фестиваль Бориса и Глеба»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44864423

*Зимнее кружево:
ISBN 978-5-00153-082-4*

Аннотация

Здравствуйте, дорогой Читатель! Представляю Вашему вниманию свою третью книгу. Данная книга состоит из двух частей. Первая часть – это поэзия под названием "Зимнее кружево", где Вы сможете окунуться в волшебство русской зимы, как в городах и селах, так и на просторах Крайнего Севера. Здесь Вас ждут также небольшие поэтические рассказы-зарисовки, приключения, укутанные снегами и морозом. Вторая часть книги состоит из миниатюрных новелл и рассказов. Она носит название "Эта история..." В ней Вы можете прочитать миниатюры о самых разных жизненных коллизиях и ситуациях, погрузиться в современные и старинные эпохи. Очень надеюсь, Читатель, что Вам не будет скучно на страницах этой книги.

Содержание

Зимнее кружево	8
Барская прогулка	8
В зимней беседке	9
Ворожея	10
Дед Мороз	12
Деревенские забавы	13
Заполярье. Гимн Северу	14
Зима	15
Зимние улицы	16
Зимний вальс	17
Зимний характер	18
Зимняя полночь	19
Зимняя пора	20
Зимняя тройка	21
Зимушка	22
Как зима сменяла осень	23
Колдовство шамана	24
Молитва вождя к шаману	25
Молитва северного охотника	26
Молодая эвеночка	27
Мудрость старого охотника	29
На льдине	31
Неудачная охота. Северный рассказ	32

Одинокий клен	34
Полушалки	35
Северная драма	36
Северная трагедия	37
Северное сияние	39
Северные псы	40
Снегопад	41
Старушкино зеркальце	42
Старый якут	44
Хмельной ямщик	46
Яблочко по блюдецку	48
Волчьи полукровки	49
Якутская упряжка	50
Ямщик	51
Север	52
Эта история...	54
Драматическая ошибка	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ира Николаева

Зимнее кружево

© Ира Николаева, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Родилась в 1976 году в городе Будапеште (Венгрия), в семье военнослужащих врачей. Места службы отца – гарнизоны Казахстана, Крайнего Севера, город Рязань. Окончила среднюю школу в городе Тикси-3, на берегу Северного Ледовитого океана, с золотой медалью, впоследствии – выпускница ММА им. И.М. Сеченова (красный диплом). В настоящее время проживаю в Москве. Кандидат Интернационального Союза писателей, Член Российского союза писателей. Ранее издано два сборника стихов. Книгу хотела бы посвятить своим любимым родителям Михаилу Васильевичу и Нине Васильевне, а также памяти моих ушедших любимых питомцев-друзей.

Зимнее кружево

Стихи

Барская прогулка

Мчит гнедой, аж цокот слышен,
звезды быют из-под копыт,
на прогулку барин вышел —
покататься вдоль раки.
Сам он в шубе соболиной,
ноги греют сапожки,
ямщикок — тулуп овчинный
да протертые штаны.
Барин пьян немного, весел,
крикнул, гикнул ямщику:
— Коль прокатишь пуще бесей,
то гляди — озолочу.
Ямщикок поежил руки,
хлыст схватил, раздался свист,
стало сразу не до скуки,
конь помчался будто ввысь.

В зимней беседке

Усыпан белыми снегами
декабрь месяц в Новый год,
тот замечает землю снами,
звонят метелицы семь нот.

Пушистой бахромой на ветках
несут снежинки круговерть.
Под тенью беленькой беседки
стою и думаю – что впредь?

А впереди – весна с капелью,
из снега – лужицы, ручьи,
а нынче снегопад с метелью
засыплет мелами холсты.

Ворожея

Ворожила старушка
в первозданной избушке,
рассыпала коренья, семена и плоды,
отводила проклятья,
пряча лик от распятья,
колдовала старушка
от добра до беды.

Чтобы ясна дорога
была тройке удалой,
чтобы коням подмога
во степи ледяной.

И летела повозка,
кони мастию чалой,
по скрипучему снегу
возвращалась домой.

Ворожила старушка
в своей ветхой избушке,
растирала травинки
между пальцами в пыль,
но не внял рок колдунье,
ветер свечку задунул,
и знахарки виденье
превращалось в быль.
Превращала сказанья
из древнейших заклятий

во слова и виденья,
что нам дарует хмель,
а пурга затевалась
лунной ночью ненастной,
снег кружил, обращаясь
белым пухом, в метель.
Затерялись здесь кони,
их уже не догонит
ворожба той колдуньи
этой ночью лихой,
и заснул беспробудно
на трескучем морозе,
завернувшись в тулупчик,
тот ямщик удалой.

Дед Мороз

В год Новый Дедушка Мороз
явился к деткам на оленях,
алел румяно его нос,
в руках был посох повелений.

Подарки щедро раздавал —
те, что припас в прошедшем годе,
конфет, игрушек – валом вал,
одежки теплой по погоде.

Он ехал с самого Устюга
по снежным тропам на санях,
сопровождали его выюга,
метель, Снегурочка в унтах.

А по дороге встретил Санту
да гномов шумною толпу,
вручил подарки с красным бантом —
на радость гномам, старику.

Всем исполнения желаний
пророчил в Новые года,
та ворожба – предмет мечтаний,
и не напраслина слова.

Деревенские забавы

А на белой горке – саночки катали,
на ледочке ломком, смазанные в сале,
и девицы с визгом в клубах снежной пыли,
паренёчки следом – санки торопили.

А рядом деревня, ярмарка шумит,
конкурсы, частушки – ярок зимний вид,
бабы все солидно меж рядов шагают,
мужички – те просто – пиво попивают.

Заполярье. Гимн Северу

Далекий Север, Заполярье,
волшебной музыки мотив,
во сне – как небылою явью
приходишь, даже не спросив.

Тут снегом – белые метели,
и Ледовитый океан,
а память, уголечком тлея,
согреет лучше жарких стран.

В снегах отвагой полны силы,
пускай слабее человек —
но будто обретаешь крылья
в пургу и в ветер, мчащий снег.

И здесь, наедине с природой,
в чертогах белоснежных, льдах
ты ощущаешь ту свободу,
какой не встретишь в городах.

Зима

Краса зима волчицей белой
явилась на земли простор
хвостом-поземкою несмело
мела заснеженный узор.

И воем выюги неустанным
звенела рассыпаясь вдаль
неся в морозном эхе раннем
из века вечную печаль.

Расплакавшись весною, тая,
в берлоге скрылась на заре
чтобы вернуться целой стайей
волков белесых в декабре...

Зимние улицы

Зимний день – пушистый и холодный,
небо разливает свою тень,
солнце отправляет лучик вздорно,
пробиваясь сквозь метели стен.

Снег кружит, бросая в очи хлопья,
засыпает шапки и шарфы,
пешеходы, пробираясь робко,
сдвинут все на нос воротники.

Скользкая поземка замедляет,
и сапожки катят по ледку,
дворники песочек рассыпают —
чтоб шагалось легче на снегу.

Улицы полнятся – пешеходы,
все спешат, торопятся, бегут,
под ногами лед, снегов сугробы,
а зима – не враг, да и не друг.

Зимний вальс

Вальс фигурный, вальс ажурный,
кружат зимние ветра,
солнца шар алел пурпурный,
серебром легли снега.

Раз-два-три – пел колокольчик,
а бубенчик подпевал,
мчала тройка за околье,
цокот ритмы отбивал.

И звенела, и кружила
стая пташек в вышине,
вальсом музыка парила,
вечер таял в сизой мгле.

Зимний характер

Зима созвала все метели,
да было дело в феврале,
уж подступали март с апрелем,
ей спохватиться б в январе.
И ветры дули уж лениво,
снег промокал вослед лучам,
что ж – вещи сложит торопливо
зима по сумкам, рюкзакам.
На поезд поздний соберется,
уедет за Полярный круг,
там разгуляется, взовьется,
до лета будет недосуг.
Назад заторопится в осень,
придет обычно – не спросясь,
характер, как всегда, несносен —
то испокону, отродясь.

Зимняя полночь

Как мела метель – словно помелом,
заметая день вьюгою-хвостом,
украшая ночь звездопадом льда,
укрывала дол тканями плаща.
И, взвиваясь, дул ветер снегом ввысь,
и в неправде той был зимы каприз,
полночь плакала – свет опаловый,
то луна была – запоздалая.

Зимняя пора

Зима – пора цветов белесых,
как жемчуг серебрится снег,
снежинок опадает россыпь,
то вторится из века в век.

Зима – пора чудесных песен
да святочного волшебства,
по всем полям и долам, весям —
придет в деревни, города.

Зима – пора забав веселых:
катки, салазки мчат с горы,
все там же – в деревнях и селах
раскинут ярмарки пиры.

Зимняя тройка

Вскачь повозка запряжная,
бьет копытом коренной,
тройка едет удалая,
мчит дороженька домой.

Кони мастию гнедою,
слышен храп издалека,
пыль аж крошкой ледяною,
сбоку – шоры на глаза.

Скачут шаг, потом рысцою,
на галоп не перейти,
рядом волк бежит и воет,
сани с грузом нележки.

Только вот ямщик с хлыстами,
щелкнул в воздух – волк в кусты,
мускулы пошли буграми,
у коней от той езды.

Ямщикок затянет песню,
свистнет, крикнет во всю мочь,
пятернею перекрестит
грудь свою – должно помочь.

Сгинет страх с протяжным воем,
а дорога дальше – гладь,
ведь в санях ружьишко с боем —
за мороженная кладь.

Зимушка

Забелила краской белой
все дороженьки зима,
рисовала доли мелом,
все без отдыха и сна.
Распушила хлопком ветви,
разукрасила кусты,
как побелкой дуют ветры,
записавшись в маляры.

Как зима сменяла осень

Черно небо, небо в тучах,
непогодушка грядет,
сгинул в тьме последний лучик,
заслезился небосвод.

Дождик слезы проливает,
ветер трубами гудит,
шквал из листьев поднимая,
он с грозой говорит.

Осень плакала и злилась,
разбросала платья все,
а зима, ступая стыло,
снег сыпала на заре.

Покрывала белым доли,
наряжалась вся в платки,
ветер выводил ей соло —
дружбы наводил мосты.

Колдовство шамана

Кружится в танце, в бубен бьет,
варган мелодией струится,
в священном трепете народ —
волнуется, богов боится.

Кружит шаман, кружат ветра
и духов леса созывают,
а хвоя — словно бы листва —
с пушистых сосен облетает.

И затевался ураган,
Здесь выюга дула, заметала,
заклятья духам слал шаман —
страх напускал — никак не мало.

То власть богов перед Землей,
он вопрошает провидений,
и кружит бубен пред толпой —
селенье ждет чудес-знамений.

Молитва вождя к шаману

– Шаман, ты наколдуй погоду,
чтоб стихла стылая пурга,
чтоб ясный полдень – небосводу,
замолкли б выюги чтоб, ветра.
Вождь племени главой склонился:
– Прошу, охоту ниспошли,
чтобы олень в лесах явился
да мясом наполнились котлы.
В селениях чтобы далеких
умчались голод с хворотьбой...
Вождь говорил с тоской глубокой,
шаман внимал молитве той.

Молитва северного охотника

— Дух леса, выйди из-за гор, —
взывал охотник одиноко,
и в слове слышался укор,
унты увязли в снег глубоко.
Якут дух дикий подзывал,
чтоб наконец пришли олени,
а пес тихонько подвывал,
к теплу звал дальних поселений.
Охотник рыскал, словно волк —
олени будто ускользали,
а пес, в охоте зная толк,
бродил по следу, тихо лая.
— Так где же вы, лесные духи? —
Охотник взорами померк.
Видать, все это — просто слухи —
про колдовство и оберег.

Молодая эвеночка

Лицо эвеночки – луною,
а очи – словно кисти штрих,
блестят улыбкой озорною
ланины, губки, нежен лик.

А косы – черными волнами,
в них украшения звенят,
и кружит в танце пред парнями,
их завораживая взгляд.

Чуть в стороне – старушка, сгорбясь,
вздыхала:
– Вот же егоза,
ведь красота девицы – робость,
чтоб долу прятались глаза.

А внучка – так ими сверкает,
пойду пожалуюсь отцу,
девчонка – слишком молодая,
ведь скромность юности к лицу.

Потом подумала немного:
– Я тоже девицей была.
Наверное, умерю строгость,
ведь молодость всегда права.

Мудрость старого охотника

Северный рассказ

Томился дальнею охотой
сын Севера – совсем юнец,
просил без отдыха и срока:
– Возьми с собой меня, отец.

То времена – старинной были,
когда оружие – в ножнах,
да лук, что за плечом носили,
а дичь не пугана в лесах.

И северные куропатки,
оленей дикие стада,
бродили волки без оглядки,
охота – данность и стезя.

Отец суров, но мудр словами:
– Младой юнец, вот подрастешь
и будут борода с усами —
тогда охоться, бери нож.

Лицо твое – подобно деве,
и над губой не виден пух.
Ты слаб еще душой и телом,

но жди: мужей вселится дух.

На льдине

Рыбак на льдине – ветров шквалы,
несет стремнина как листок,
краюшка хлеба, ломтик сала,
коловорот, с блесной кулек.

Весь скарб – в укромном уголочке,
унты промокли: тает лед,
а в трубке тают уголёчки —
отчаяния тлел дымок.

Вокруг – река, вода чернеет,
снег размокал вослед лучам,
и мыслит чукча: Бог – спасенье,
не до рыбалки – где уж там...

Неудачная охота. Северный рассказ

Пес, что северной породы,
да охотника следы,
шли вперед, и вязли ноги
в вечном снеге средь пурги.

Возвращались не с добычей,
а с усталостью лихой,
обморожены, разбиты
да с тяжелой головой.

Север дальний, Север крайний —
духом не для слабака,
дома голод ждет печальный —
пусть мужается семья.

И охотник – снова в поиск,
и уже добычу пес
чует своим хищным носом:
запах ветерок донес.

По следам зверей плутая,
бродят вместе день-деньской,
дичь – как будто ускользает,
а вдали – лишь волчий вой.

Затеваются метели,
не разжечь уже костра,
не согреться – ветры злее,
холод жалит до нутра.

И порой охотник хмуро,
пса погладив под рукой,
думу думает понуро:
возвратимся ли домой?

Одинокий клен

Как грустил бел клен под моим окном,
неприкаянный одиноким днем,
в зиму-зимушку, в белом ватнике
с пуха мягкого да хлопчатника.
Разговаривал да с метелицей,
той, что маялась дня безделицей,
пели песенки в паре с ветрами,
ведь гуляки те да отпетые.
Обниму я клен, прикоснусь к коре,
сверху снежный ком – да по голове,
так обидою он прогонит прочь:
в том, что одинок, не смогла помочь.

Полушалки

Раз на ярмарке бедовой продавались полушалки,
девицы платок пуховый примеряли – денег жалко,
торговались с пылом, с жаром, кошелечками звенели,
а торговка: «Что ж, вам даром подарю платочек белый?»
Крутят у зеркал девицы, любо-дорого смотреть,
а платочек не из ситца – настоящая то шерсть!
Укрывать будет в метели, от снегов убережет —
враз деньжата зазвенели и раскрылся кошелёк.

Северная драма

Костром сгорали уголечки —
уснул якут нетрезвым сном,
стоянкой, коротая ночь,
собаки разбрелись кругом.

И воя волков он не слышал,
и не увидел жадный блеск
тех глаз, что зажигает хищник
в голодном крае, словно бес.

А поутру якут поднялся,
упряжку начал созывать —
один лишь только пес остался,
кровавой краской его масть.

От всех былых — алеют клочья —
знать, у волков жестокий пир.
Якут протер хмельные очи:
«Как выжил?» — Бога спросил.

Северная трагедия

На старой и линялой шкуре,
укутавшись в олений мех,
эвенка хмуро трубку курит,
плетет заветный амулет.

Он из полосок мятой кожи,
украшен перышками птиц,
и станет оберегом позже,
тут трубки пепел взвился ввысь.

Эвенка разметала сажу,
посетовала на сквозняк,
из сундучка достала пряжу,
и нить, и рыбыны костяк.

Сплела узорами умело —
вот будет внуку торжество!
Вернется дед: то тоже дело —
кинжал подарит и ружье.

Внучок охотой загорится,
кормильцем станет старикам,
облюбовав себе девицу,
сыграет свадьбу — а там...

...Эвенка старая заснула,
из пальцев выпал амулет,
потухла трубка, выюга дула,
неслышно возвратился дед.

Укутал старую подругу,
погладил по седой косе:
— Пока ей говорить не буду
о той трагедии-беде.

Внук — молодой красавец парень —
вчера по тонкому ледку
на реченьке упряжкой правил —
да так и сгинул в полынью.

Северное сияние

Поселок спит. Скрипучий снег
тропинкой белою сверкает,
на склоны сопок льется свет:
сиянье красками играет.
То разольется бирюзой,
то златым блеском заискрится,
то вспыхнет радугой ночной,
румянцем домотканых ситцев.
Исчезнет всполох, словно сон,
стирая память на виденья,
полярной ночью, темным днем,
укутываясь снежной тенью.

Северные псы

У костров, что возле чумов,
грелись северные псы,
им кидал якут угрюмо
рыб мороженных хвосты.

Здесь не обошлось без свары:
рыбу утащил вожак
и, довольный тем наваром,
сгрыз мороженный костяк.

А якут без всякой злости
подозвал голодных псов,
набросал оленьи кости
да насыпал им мослов.

— Завтра — дальняя дорога
через белые снега.
Вам силенок надо много —
ждет нелегкая езда.

К ночи псы утомонились,
сыто зарывались в снег,
а во снах им, видно, снилось:
в постромках летящий бег.

Снегопад

Я здесь, под этим снегопадом,
тихонько голову склоня,
усыпаны тропинки сада,
опалом капает луна.
Тоска застелет думой очи,
печален мыслей грустный бег,
пусть в темень непроглядной ночи
все ж постучится Божий свет.
Пускай Путь Млечный озарится,
хрустально заблестят снега
и ночка звездным тканым ситцем
укроет в стужи-холода.

Старушкино зеркальце

Северный рассказ

Дочь Севера красой гордилась —
та прослыла на сотни верст,
своей прабабушки стыдилась:
в морщинах вся, а цвет волос...

Старушка только усмехалась:
— А юность та — не вечность лун.
Сама красавицей блистала —
что женихи теряли ум.

Прабабушка вздохнула грустно:
— Вот тебе зеркальце мое.
Взглянись, потом припрячь искусно,
запомнив миг сей и лицо.

В тот год, когда твоя правнучка
тебе промолвит: «Ты стара!» —
чтобы понять меня получше,
достань его из сундучка.

И вновь взглядишь: меня увидишь,
как отражение в небылом,
со старостью ты станешь в мире.

Поверь, друг друга мы поймем.

Старый якут

Якут на пастбище далеком,
в верстах от дома и семьи,
брел по сугробам одиноко,
олени хмуро снег мели.

В проталинах виднелся ягель,
копыта разрыхляли мох.
Якут смахнул седые пряди,
ведь все в порядке – видит Бог.

Нет рядом волков и медведей,
лучится свет полярным днем,
он закурил – и, в мыслях грезя,
родных увидел, отчий дом.

Ну а вокруг до горизонта —
лишь тундры северной холсты,
и ветры дуют хладом звонко,
идут за верстами версты.

В задумчивости молчаливой
вдоль стада прошагал якут,
закрыв кисет неторопливо,
смотал ладонью старый кнут.

Ведь были годы молодые,
и думы были посвежей,
и в холодах ветров не ныли
ни сердце, и ни хруст костей.

В сём одиночестве бродячем —
их труд. То – пастбища удел.
И слез, соленых и горячих,
размыл с лица – знать, постарел.

Хмельной ямщик

Как на тройке на удалой
мчал ямщик и запевал,
весельчак был, видно, малый,
коней свистом погонял.

Песнь про зимние метели
да про вьюги и снега,
про лесок из сосен-елей
да про синие глаза.

Кони ушками поводят,
что им свист – была бы песнь,
притомился ямщик вроде —
тянет облучок присесть.

Кони мчатся в мыльной пене
по дороге ледяной,
лишь скользят в закате тени,
а ямщик уснул хмельной.

Близок вечер, ночь в кануне,
на обочине – трактир,
постромки – ну точно струны,
а ямщик очнулся: тпр-р-р!

И неровный шаг в таверну,
коням побросал овса,
матернулся словом скверным,
завалился у стожка.

И, видать, то не дорога
утомила, а винцо.
Не добравшись до порога,
в дреме утопил лицо.

Яблочко по блюдечку

Яблочко по блюдечку —
кружится и вертится,
чудеса пусть чудятся
в отблесках свечей,
в чудеса те чудные
верить — не увериться
среди ясной темени —
Святочных ночей.
Девицы в гаданиях,
ждут: а может, сбудется —
в годе нарастающем
встретить жениха,
и ожиданьях-чаяньях,
яблочко по блюдечку,
в святочные таинства —
свадебка видна.

Волчьи полукровки

К селенью Севера прибился
зимой голодной дикий волк,
от стаи, видимо, отбился:
искал он пропитанье впрок.

На сопке белой выл ночами,
пугал собак, их слышал рык,
свиданья хаскам назначая —
вой низводил он в перелив.

Потом исчез — куда-то канул,
затихли песни от тоски,
но в теплом мае — утром рано —
у хаски родились щенки.

Дивились все в селенье этом:
волчата глянули на свет!
Якут-хозяин, споря с ветром,
лишь молвил: «Равных в силе нет.

В упряжках будут жожаками,
Охранниками — злоба рвет!»
Не зря подлунными ночами
ту хаски дикий волк стерег.

Якутская упряжка

Упряжка мчится вдаль по тундре,
собачий вздох исходит в хрип,
по тропке снежной и подлунной
якут их погоняет в крик.

И надвигается пургой
полярный ветер-ураган,
скорее, псы, бегом домой,
иначе занесет буран.

Собаки, чуя непогоду
и слыша окрик ездока,
мчат оголтело под луною,
спасая сани и себя.

Успели – не прошло и часа,
у чума – выюгой замело,
в награду псам – от рыбы мясо,
и одеялом – полотно.

Ямщик

— Запрягу коней я, барин,
вдаль по снегу во всю мочь,
прокачу аж до испарин,
и поспеем мы полночь.

И в кабак, и до цыганей,
и до свадьбы удалой,
так усаживайся в сани,
как в карету, свет ты мой.

Ветерок пускай обдует,
снег завьюжит, запылит,
чтоб морозца поцелуй,
щеки он-то забелит.

С посвистом, с веселой песней,
чтобы дух прям занялся,
прокачу зимой чудесной,
не серчай лишь на меня.

Север

Бескрайний Север снежным чудом
проникнул вкрадчиво во взор,
раскинувшись Полярным кругом,
ласкает взгляд снегов узор.

Бежит упряжка удалая,
собак лохматых слышен вздох,
и лай несется, не смолкая,
вдали завиднелся дымок.

Стоянка близится уж скоро,
горит костер, кипит котел,
в ночную призрачную пору
снежок дорожку всю замел.

А поутру оленей стадо
пройдет за сопку по снегам,
и вновь помчатся псы устало,
их встретит ветер-ураган.

Завьюжит вьюга и завоет,
пурга затеется игрой,
и, диво! – выйдет дневной ночью
в сиянье месяц золотой.

Вокруг блеснет, зажегшись, всполох,
затмит аж звезды из выси,
пурга все скроет уж и долу
накинёт белые платки.

Эта история...

Рассказы и новеллы

Драматическая ошибка

Эта трагическая история произошла в середине двадцатого века. В небольшое село приехал молодой и еще не очень опытный врач – таких в старину в деревнях называли «земский доктор». Проблем со здоровьем в том населенном пункте было предостаточно, как, пожалуй, и везде – люди болеют, кто-то выздоравливает, кто-то умирает, как повезет и как положено по судьбе – у всех свой век. В том селе была только одна медсестра, да и она вскоре уехала и вышла замуж где-то в городе. Туда же, в общем-то, и держали путь все страждущие, но, конечно, не к ней, а в больницу. Правда, дорога была долгая и длинная, транспорт старый и малопроходимый, появлялся автобус крайне редко. Иногда кто-нибудь привозил на заказ лекарства из городских аптек, но и они быстро заканчивались. Были многочисленные просьбы прислать наконец-то доктора, которому обещали и дом, и помощь в подсобном хозяйстве. Жалоб с просьбами было столько, да и сама статистика заболеваемости и смертности в далеком селе говорила за себя, что где-то наверху все же

выбили распределение в село одного медицинского кадра. Парень был молод и только окончил институт, до этого проживал в общежитии тоже с довольно суровыми условиями обитания, поэтому перспектива поехать в деревню не испугала (молодецкое этакое «где наша не пропадала»). Ему выделили дом, односельчане подарили несколько кур и цыплят, дойную козу и все сопроводили советами по уходу с обещаниями помочь в трудную минуту. Полдома он обустроил как жилую площадь, а вторую половину – как приемную-амбулаторию. Надо сказать, что медицинских средств было мало, но самое необходимое все же завезли – на неопределенный срок. Буквально со следующего дня потянулся народ со своими бедами и бедками. Молодой доктор тщательно выслушивал жалобы, осматривал, заглядывал в горло, мерил давление и слушал легкие, кому-то щупал животы и бил молоточком по коленям. Давались советы, имеющиеся в наличии лекарства, иным предписывалось незамедлительно ехать в город, в больницу или аптеку. Все текло своим чередом. Кто-то был доволен, некоторые ворчали – всё как всегда. Проходит месяц, и слух о появившемся докторе доходит до лесничества, а именно – до избышки, где жил сам лесник-вдовец со своим взрослым сыном. Надо сказать, что оба уже много лет страдали каким-то невыясненным кожным недугом. Сначала заболел отец, а потом и подросший сын. Так как они жили в отдалении, то в город не ездили вообще, а вели свое хозяйство – тем и питались. Но раз в округе по-

явился доктор – лесник решил до него дойти: может, хоть мазь или примочки с травками какие посоветует, вдруг даже найдет их в своей амбулатории. Лесник засобирался, оставил сына смотреть за домом и ушел. К ночи он уже стучался в дом доктора. Стояла тьма, были перебои с электричеством, и врач вышел на крыльцо со свечой в руках. То, что он увидел, его удивило. На лице у лесника были пятна и бляшки, некоторые походили даже на небольшие узлы. Врач пригласил ночного посетителя в дом и попросил раздеться. Такие же уродливые бляшки были и на руках ближе к локтям, на теле – также местами пятна и, как показалось, язвочки. Осмотр был поверхностный, да еще при свете свечи. Лесник сказал, что не так давно такой оказией заболел и сын, но у него немного получше. Доктор был человеком впечатлительным, книжным, сразу возникла перед глазами картинка из учебника, и в мозгу сложился страшный диагноз – лепра, болезнь Хансена, в простонародье – проказа. Это заразное, но малоконтагиозное заболевание. Ну все равно – двое заболевших, живущих в тесном контакте, есть. Не подумав, он поделился опасениями со старым лесником, объяснил, что лечение долгое, результаты не гарантированы, а проходит оно в специализированных учреждениях – лепрозориях, но и там ведь люди живут, он должен срочно сообщить в город и область об этом редчайшем случае. Лесник испугался, стал молить молодого доктора отпустить его обратно, ведь живут они с сыном одни, и так практически в изоляции, ни-

кто их не видит и не слышит. Доктор по-юношески самонадеянно поделился исторической справкой, что в средние века таких больных вообще одевали в специальные балахоны с капюшоном и давали колокольчик, чтобы ни один прохожий к ним близко даже не приближался. Им запрещалось есть в трактирах, спать в гостиницах, да и вообще подходить к населенным пунктам. Они становились изгнанниками и умирали, покрытые страшными гранулемами и язвами, и часто – от сопроводительных инфекций. Доктор плел еще что-то и запугивал лесника, потом потушил огарок свечи, зажег новую, посетовал на электричество и успокоил, что в лепрозориях специализированный медперсонал, лекарства, такие же больные и там тоже жизнь, но полная изоляция от окружающего мира. Лесник заплакал. Он вырос в лесу, как и его умершая жена и взрослый сын. Он не видит себе жизни в запертой комнате без природы, дубравы и березняка, реки и свежего воздуха. Он умолял оставить все как есть и сохранить тайну, обещал до гробовой доски не приближаться к людям и селу, но не ссылатъ его в то страшное заведение с не менее страшным названием «лепрозорий». Доктор же все больше и больше убеждал себя в правильности своего диагноза и решения. Он тщательно протер спиртом руки и лицо, открыл окно и сказал: «Ступай, дед, обратно в свою халупу к сыну, я наведу справки у вышестоящего руководства, поставлю в известность, но лепрозория вам не избежать». Старик надел рубаху, накинул плащ-дождевик и молча, не

сказав уже ни единого слова на прощанье, вышел за дверь. Врач с брезгливостью поморщился и пробормотал, что этого только не хватало на его голову и что в такой глуши он чего-то подобного ждал и опасался. Остается загадкой, почему он так твердо и мгновенно уверился в страшном диагнозе, почему вновь не полистал учебники и почему хотя бы не оставил все до завтра – чтобы получше рассмотреть дедовы болячки при дневном свете. Ему казалось, что в этой заблудшей деревне он попал в какой-то древний, средневековый мир, где такие случаи еще имеют место. Через несколько дней, отослав с оказией письма в город, он направился в то самое лесничество (дорогу указали односельчане), заодно он хотел взглянуть и на сына лесника. Избушка встретила молчанием, только несколько голодных кошек буквально орали на всю округу, требуя еды, куры также, слышав шаги, подняли гвалт. Но людей не было. Доктор подумал: сбежали, теперь ему попадет, зараза такая по свету дальше поползет. Дверь была не заперта, и он вошел в лачугу. На кровати лежал юноша с простреленной головой, а в углу сидел дед в одном сапоге и с ружьем во рту. Полголовы просто не было, зияла какая-то кровавая масса. Запах уже был несвежим, пахло трупами. Врач схватился за горло и выбежал на улицу – его рвало. Доктор бежал без оглядки, его гнал ужас и страшная вина перед этими людьми. Но конец истории оказался еще более трагичным. Конечно, приезжала и милиция, и следователи, тела отправили в город на вскрытие. Резуль-

тат был ошеломляющий – у отца и сына был диагностирован банальный, хоть и крайне запущенный псориаз, к которому можно иметь наследственную предрасположенность. Было серьезное разбирательство из-за допущенной врачебной ошибки, которая привела к такому драматическому концу. Доктор, конечно же, уехал из этой деревни. Его простили в силу его молодости и недостаточного опыта, но он долго и крайне тяжело переживал это сам, а потом неожиданно переквалифицировался из врача общей практики в дерматологи, перечитал и пересмотрел гору специальной литературы и нашел слабое утешение для своей профессиональной и просто человеческой совести: еще Гиппократ в своих работах и врачебной практике путал порой проказу и псориаз. Спустя много лет, когда эта история забылась, он написал научную работу и стал кандидатом наук, ушел преподавать студентам и, по слухам, был самым страшным и суровым экзаменатором – не прощал даже малейшей неточности и оплошности, всегда повторяя: «Вы можете недочитать и недоучить самую малость, а именно она, возможно, в итоге выльется в большую ошибку со страшными и непоправимыми последствиями».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.